

Тянь Сыюй подняла голову. В её ясных, как небо, глазах подернутых легкой дымкой, застыл немой вопрос. Она слабо улыбнулась, и от неё повеяло свежестью, словно от воздуха после весеннего дождя. Встав на цыпочки, она нежно коснулась губами подбородка Шан Хуна:

— Давай всё-таки остановимся на выбранном тобой сценарии. Думаю, он нам больше подходит.

Уступчивость Тянь Сыюй и этот поцелуй постепенно остудили гнев Шан Хуна. Он кивнул, хотя в душе не мог не злиться на Ши Гуана, который донельзя избаловал девушку. В совместном номере она готова была превратиться в безликую серую тень, лишь бы оттенить другого! Он презирал подобные попытки унизиться ради того, чтобы бегать за кем-то.

Тянь Сыюй опустила голову и закусила губу. Ей было досадно: по сценарию ей предстояло играть сорокалетнюю женщину, опустившуюся и измученную заботами о сыне-инвалиде. Весь номер она должна была просто ходить туда-сюда, без песен и танцев — ни показать себя, ни блеснуть талантом, только и делать, что лить слезы. Но разве зрителей сейчас легко прошибешь на слезу? Куда проще покорить их улыбкой. Разве можно привлечь внимание одной лишь слезливой драмой?

Невольно она вспомнила Ши Гуана. Работать с ним было одно удовольствие: он всегда уступал ей и соглашался на любые идеи. Что ещё интереснее, даже когда Ши Гуан брался за комические роли, благодаря своей грации и пластике он выглядел смешно и обаятельно, а не превращался в жалкое подобие грязи, как Шан Хун.

Конечно, хотя эти мысли вертелись у неё на языке, вслух произнести их она не посмела. Вспомнив правду, случайно услышанную на пробах, и сопоставив её с тем, что удалось разузнать за последние дни, она убедилась: статус Шан Хуна — не пустой звук. Богат он или нет — не так уж важно, главное, что его связи куда серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Придя к такому выводу, Тянь Сыюй успокоилась, и досада в её сердце улеглась.

— Вот так...

Ши Гуан упёр руки в бока, выпятил грудь и высоко задрал подбородок. Он провел рукой по воображаемым длинным волосам и, высоко поднимаясь на носках, словно на невидимых каблуках, прошествовал мимо Лоу Чжання. У того округлились глаза. Он не мог оторвать взгляда от Ши Гуана, приоткрыв рот от изумления. Он провожал его фигуру до тех пор, пока та не скрылась из виду, и лишь потом прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу, которое никак не могло прийти в норму.

Ши Гуан обернулся, чтобы оценить игру Лоу Чжання, и слегка нахмурился. Лоу Чжань, безусловно, играл отлично: и перемены в выражении глаз, и утрированная театральная пластика — всё было к месту. Но холодность, которую Лоу Чжань излучал в обычной жизни, была настолько сильной, что с самого начала их совместной работы Ши Гуана не покидало чувство, будто его ударило молнией.

Если подумать, в мелодраме Лоу Чжань идеально смотрелся бы в роли преданного и богатого главного героя. В исторической драме — в образе благородного и властного персонажа. А в фэнтези, например, в «Шанчуань», он был бы прекрасен в роли старшего брата Юй Цзыци. Короче говоря, дело было не в актерском мастерстве, а в том, что типаж и темперамент Лоу Чжаня требовали более серьезных и ответственных ролей. Играть легкомысленного персонажа второго плана ему совсем не шло.

Лоу Чжань по выражению лица Ши Гуана понял, что что-то не так, но был с ним не согласен:

— Такая игра слишком пресная. Если настаивать на ней, зрители сочтут её наигранной и нервной, пахивающей желанием дешево выделиться. Я подумал, может, нам немного изменить сценарий, чтобы конфликт стал острее? И ещё... — он запнулся, явно колеблясь, — может, добавим танец? Несколько простых, синхронных движений сделают номер зрелищнее.

— Танец? — Ши Гуан, уже привыкший к тому, что Лоу Чжань в последнее время выдает предложения длиннее двадцати слов, машинально повторил за ним, обдумывая идею.

Лоу Чжань кивнул и спокойно добавил:

— Я давно заметил, что у тебя отличная координация. Как бы ты ни двигался, это не выглядит некрасиво. У меня же всё наоборот: моя неловкость и угловатость в танце как раз станут изюминкой персонажа.

— Да ладно! — Ши Гуан расцвел от похвалы. Услышав первую фразу, он чуть не подпрыгнул от радости! Что значит не некрасиво? Это значит красиво! А почему красиво? Потому что танцует хорошо! А почему он так говорит? Потому что Лоу Чжань всё это время наблюдал за ним! А почему наблюдал? Потому что он красавчик! Всё круто, всё замечательно!

— ... — от сверкающих глаз Ши Гуана Лоу Чжань невольно отшатнулся.

— Танцы — это отлично! Танцы — это супер! Великолепная идея! — восторженно захлопал в ладоши Ши Гуан.

— ...

— Погнали! — Ши Гуан уже начал двигаться, и благодаря его яркой внешности даже самые простые танцевальные па выглядели вполне достойно.

Лоу Чжань молча смотрел на Ши Гуана, который прыгал вокруг него, словно обезьянка, и вдруг почувствовал, что ему совсем, ну просто совершенно не хочется двигаться.

Спустя полмесяца подготовительный этап «Шанчуань» был завершен. Поскольку это была фэнтези-дорама, требовалось много съемок на зеленом фоне, поэтому актеров переселили в павильоны. У Ши Гуана как у персонажа второго плана было мало сцен, к тому же

приближалась сессия, и администрация перенесла его съемки на лето.

Хотя в сам процесс съемок он пока не погрузился, Ван Фэй дважды вытаскивала его на посиделки. Культура застолий в Китае имела огромное значение, и благодаря общим тостам и играм Ши Гуан успешно наладил отношения с верхушкой съемочной группы.

Однажды, изрядно выпив, Цзэн Цзяньсю даже хлопнул его по плечу:

— Ши, ты в этот раз постарайся. В следующий проект я тебя снова позову, дам тебе роль покрупнее!

Ши Гуан не стал обольщаться, но поток благодарностей был неизбежен. В тот вечер он так ублажил Цзэн Цзяньсю, что тот хохотал до боли в щеках.

Позже, когда игра в маджонг закончилась и они ужинали, один из помощников режиссера, покручивая бокал, заметил:

— Нынешняя молодежь — просто молодцы. Знают, как себя вести, не докучают. Если так пойдет и дальше, в индустрии развлечений ты точно не пропадешь.

Ши Гуан уловил доброжелательность в его голосе и улыбнулся:

— Все мы пробиваемся с трудом. Нельзя же сидеть дома и ждать, пока предложат съемки. У меня ни связей, ни денег — на кого ещё рассчитывать, кроме как на себя?

Помощник режиссера на секунду замешкался, вспомнив Ван Фэй, но решил, что её вряд ли можно назвать серьезным покровителем, поэтому кивнул и дружески посоветовал:

— Почаще появляйся в развлекательных шоу. Ты человек открытый, не боишься показаться смешным — современная молодежь это любит. Будут рейтинги — будут и возможности. Порядок именно такой, запомни!

Ши Гуан поспешил чокнуться с ним, рассыпаясь в благодарностях.

Хотя в киноакадемии не слишком следили за тем, ночуют студенты в общежитии или нет, ворота всё равно закрывались в одиннадцать вечера. Пьяный Ши Гуан, как обычно, снял номер в ближайшей гостинице. Упав на кровать, он смотрел на чуть подрагивающий блик на потолке. Жизнь пока не изменилась кардинально, но он уже видел, что ступил на другую тропу. И пусть конец этой дороги не обещал того, о чем он мечтал, в любом случае, хуже, чем в прошлой жизни, точно не будет.

Скоро настала пора экзаменов. Каждый год выпускной сезон в киноакадемии превращался в грандиозное событие. Вуз приглашал известных режиссеров, продюсеров и представителей СМИ: во-первых, чтобы помочь выпускникам найти работу, во-вторых — чтобы прославить академию и привлечь талантливых абитуриентов.

Академия киноискусств Н была одной из лучших в стране. Отсюда вышло множество знаменитых режиссеров и артистов. Даже если она уступала по известности столичным вузам, диплом академии Н был знаком качества, вызывавшим уважение в индустрии. Поэтому многие выпускники, добившиеся успеха, с готовностью возвращались на празднование.

В день выпускного представления в академии было яблоку негде упасть — шумнее, чем на Новый год. Дороги, обычно перекрытые, сегодня были свободны, машины подъезжали прямо к главному залу. У входа расстелили красную дорожку, по обе стороны натянули сигнальные ленты. Журналисты заняли места заранее, готовясь к интервью.

В половине восьмого одна за другой стали подъезжать роскошные автомобили. Ради безопасности важных гостей даже выставили полицейское оцепление. Звезды выходили из машин, грациозно махали журналистам и студентам, а затем скрывались в зале. Конкуренция в индустрии росла, и знаменитости стали проще: они не упускали случая показаться на людях, а уж юбилей родной академии — лучший повод для пиара.

К дорожке подъехала ещё одна машина, и толпа журналистов зашумела: из авто вышел Жэнь Тяньхуа. Как самый известный режиссер страны, он сразу приковал к себе внимание всех камер. Даже актрисы первой величины, шедшие впереди, нарочно обернулись — сочетание таланта и красоты стало отличным кадром для прессы.

Один из журналистов, вытянув микрофон, взволнованно спросил:

— Режиссер Жэнь! Сюда, режиссер Жэнь! Скажите, повлияет ли травма Сэнь Жуйцзэ на съемки вашего нового фильма? Ходят слухи, что вы планируете заменить главного героя, это правда?

Жэнь Тяньхуа, как режиссер, не обязан был угождать СМИ, поэтому ответил сухо:

— Сэнь Жуйцзэ — мой лучший главный герой. Его травма меня потрясла. Сначала я должен встретиться с ним, а потом уже будем решать.

Журналист был недоволен ответом и хотел задать следующий вопрос, но Жэнь Тяньхуа властным жестом остановил его, и репортеру пришлось отступить.

В отличие от приглашенных звезд, студенты могли пройти только через южный вход, что создавало разительный контраст с той стороной.

Ши Гуан любил суету — всё, что было связано с шоу-бизнесом, притягивало его. Он с раннего утра привел себя в порядок и с помощью студенческого билета занял выгодное место у края красной дорожки. Он надеялся: а вдруг какой-нибудь фотограф случайно снимет его, а потом какой-нибудь зоркий интернет-пользователь заметит его и запустит тему вроде «Самый красивый фон» или «Пейзаж за спиной звезды»? Так и до славы недалеко!

Конечно, если пользователи не заметят, можно и самому подтолкнуть дискуссию, нанять ботов

— эффект будет тот же.

Разумеется, всё это требовало, чтобы он попал в кадр и был виден в полный рост. Затея сложная, но удача любит подготовленных. А ждать, пока СМИ заметят тебя сами... ну, удачи!

Конечно, такие мысли были не только у него, но решиться на подобное могли немногие. В академии Н было немало студентов, и среди них всегда находилась десятка полтора тех, кого называли интриганами. Встретившись, они обменялись понимающими взглядами и образовали временный союз. Их продуманные наряды и эффектная внешность сразу создали красивую картинку в довольно удачном месте.

Ши Гуан тогда не подумал, что такая ситуация повторяется каждый год, и администрация с опытными журналистами к этому привыкли, даже специально делая четкие снимки именно этого участка.

Газета Т была очень известной в городе Н, её тираж расходился по всей провинции. Тан Вэй была опытным репортером, освещавшим индустрию развлечений. Она посещала выпускные в академии Н уже девять лет подряд. В этот раз она привезла с собой новичка. Увидев, как тот с горящими глазами пялится на красную дорожку, она не удержалась от совета:

— Видишь ту сторону?

Новичок посмотрел, куда указывала Тан Вэй, и увидел группу людей у края дорожки.

— Заметил что-нибудь? — спросила Тан Вэй.

Новичок покачал головой, потом подумал и сказал:

— Ну, это же академия Н, студенты здесь действительно красивые. Есть двое, которые, на мой взгляд, ничем не уступают звездам первой величины.

Тан Вэй улыбнулась:

— И правда, выглядят неплохо. Сяо Ли, запомни их. Когда-нибудь ты увидишь их на более престижных сценах, где они будут в центре всеобщего внимания.

— Почему?

Тан Вэй лишь загадочно улыбнулась. Как репортер, повидавший на своем веку немало, она не осуждала этих ребят. Она не понимала, почему общество вечно обвиняет их в коварстве — они просто нашли подходящий момент, чтобы показать себя, не причинив никому вреда. Только такие целеустремленные и расчетливые люди могли пробиться в этом жестоком мире шоу-бизнеса и занять свое место под солнцем.

С этими мыслями она посмотрела на высокого парня. Его красивые черты лица, идеальные пропорции фигуры и яркая харизма выделяли его из толпы. Если правильно его «раскрутить», он станет лакомым кусочком для СМИ.

Ши Гуан чувствовал, как с каждой минутой неприязнь окружающих становится всё ощутимее. Прожив вторую жизнь, он перестал быть наивным. Он не страдал манией величия, но отчетливо ощущал исходящую от других злобу, поэтому, посмотрев на время, решил зайти внутрь пораньше.

За это время он узнал Лоу Чжана с новой стороны. Тот был человеком пунктуальным, или, скорее, любил планировать всё до мелочей и ненавидел, когда планы рушатся. Поэтому, чтобы не вызывать у него раздражения, Ши Гуан приходил за десять минут до назначенного времени. Именно такое поведение помогло ему заметить, что холодность Лоу Чжана немного отступила.

Жаль, что это было едва ли не единственным поводом для радости. До того, чтобы стать с Лоу Чжанем лучшими друзьями или «бро», было ещё как до Луны. На репетициях они взаимодействовали, но вне их отношение Лоу Чжана не менялось.

Например, пойти вместе обедать... (J`□')J□— Ни разу! Черт возьми, они же выходят из одного места! Идут в одном направлении! Почему нужно соблюдать дистанцию в сто метров?! Неужели люди одного пола не могут идти рядом?!

Печально. Досадно.

Когда он встретил Лоу Чжана, было ровно столько, сколько нужно. Лоу Чжань без выражения посмотрел на часы и кивнул.

Ши Гуан улыбнулся и похлопал по своему рюкзаку:

— Не волнуйся, всё готово. Нужно ещё раз прогнать текст?

Лоу Чжань подумал и кивнул.

Они сели рядом, читая реплики и отрабатывая движения руками. Со стороны это выглядело глупо, но любой наблюдатель заметил бы, что, несмотря на разницу в выражении лиц, движения их рук были синхронны.

В восемь часов началось выпускное представление.

Время режиссеров и звезд стоило дорого, поэтому, по традиции, сначала выступали выпускники, затем студенты третьего, второго и первого курсов. Говорят, однажды всё затянулось до часу ночи, а требовать от звезд сидеть до этого времени было нелепо, так что такой порядок был вполне оправдан.

Смотреть выступления выпускников — занятие скучное, но нельзя отрицать, что каждый год попадались один-два потрясающих номера. У молодежи богатое воображение, у них было чему поучиться. Увы, это редкость. Звезды приходили ради пиара, режиссеры — чтобы отдать дань уважения альма-матер, а те, кто не появлялся годами, часто приходили рекламировать новый

фильм. Ну и, конечно, кто-то действительно искал новые лица.

Наставники напоминали выпускникам, что это их последний бесплатный ресурс и лучшая площадка для самопрезентации перед тем, как найти путь в индустрию. В прошлые годы бывало, что режиссеры прямо со сцены выбирали студентов на главные роли. Нужно было ловить момент — возможно всё.

Выпускники старались изо всех сил, выкладываясь по полной. Жаль, что уровень этого курса оказался посредственным: к половине десятого, когда выступления закончились, режиссеры и звезды начали расходиться, так и не выбрав никого из студентов.

В это время Ши Гуан уже готовился за кулисами. На нем была воздушная белая блуза из тюля, желтая юбка-мини, черные прямые волосы рассыпались по плечам. На ногах — сине-желтые кроссовки, а в руках он держал серебристые туфли на семисантиметровой шпильке, поправляя помаду перед зеркалом.

Ши Гуан не был женщиной, но кое-что в макияже понимал. Он не хотел превращаться в уродливое подобие женщины, поэтому нанес легкий тон, подвел брови, приклеил накладные ресницы и покрасил губы. Такой макияж, может, и не подходил для сцены, но он сегодня играл неземную богиню.

Накрасив губы, он снова почувствовал на себе острый взгляд. Обернувшись, он не удивился, увидев в углу Тянь Сыюй. В отличие от его яркого образа, на ней был парик с сединой, лицо загримировано под старую и грязную женщину, одежда простая и невзрачная. Она словно излучала тоску.

Их взгляды встретились. Тянь Сыюй смотрела на того, кто стоял в свете софитов. Несмотря на женский наряд, было ясно, что его номер будет ярким и радостным, совсем не таким, как её — мрачным и тяжелым. Хотя Тянь Сыюй не нравилась её роль, она была уверена в успехе: сценарий для неё написал известный драматург по заказу Шан Хуна. Каждая фраза была выверена, ритм выстроен так, чтобы в кульминации обязательно выжать из зрителей слезу.

Этот номер точно займет первое место.

Время шло, большая часть выступлений их курса осталась позади, изредка доносились аплодисменты. Настала очередь Ма Кая и Чао Фэйхуна. Они были не одни — привлекли ещё двоих однокурсников и ребят с режиссерского факультета, чтобы вместе поставить историю о юности и дружбе.

<http://bllate.org/book/25613/3054539>